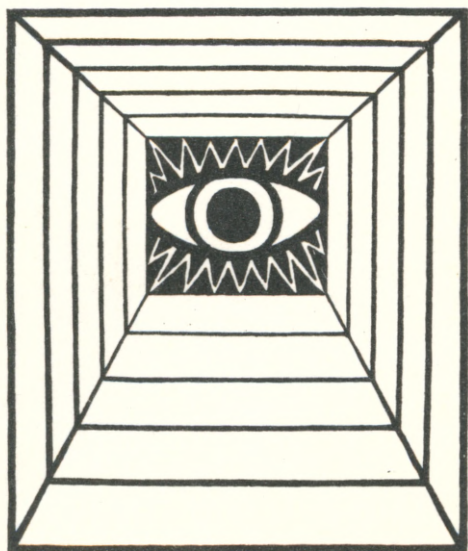

ВЛАДИМИР НЕСТЕРОВСКИЙ

ЦАРИЦА МЫСЛЬ

ВЛАДИМИР НЕСТЕРОВСКИЙ

ЦАРИЦА МЫСЛЬ

Стихи

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1989

ББК 84.Р7
Н56

Художник М. Е. Новиков

Нестеровский В.

Н56 Царица Мысль: Стихи. — Л.: Сов.
писатель, 1989. — 64 с.
ISBN 5—265—00727—X

«Царица Мысль» — первая книга стихов Влади-
мира Нестеровского. Поэт умеет мыслить в стихах, мно-
го размышляет о жизни, об истоках той жизненной
силы, которая оберегает человеческие сердца от оже-
сточения.

Н 4702010202—440 228—89
083(02)—89

ББК 84.Р7

ISBN 5—265—00727—X

© Издательство «Советский писатель», 1989 г.

Пытаться перевести поэтические идеи Нестеровского на язык критической прозы — занятие бесполезное. Стихи надо читать вживе. Весь их организм — единственная для них форма существования.

«Царица Мысль» назвал свою книгу поэт. Первое впечатление — мысль будет царствовать безраздельно, и приближая нас к позолоченному трону абстракций, и одновременно утверждая логику здравого рассудка и практического языка: «То, что нельзя назвать, — туман, химера, Что названо, то будет жить века».

Он в самом деле много думает о жизни. Только мысль его движется в глубину чувств, в глубину человеческой души.

Природа для Нестеровского «разум и вечная жизнь». Но это — на самой глубине, в пределе. Чтобы этот смысл постичь, надо в нее вчувствоваться, расплавиться под солнцем, потерять тень, превратиться в плазму, где царствует огненное начало, источающее тепло, выплавляющее новые формы.

Нечто подобное совершается и в историческом времени. Он пишет стихотворение с повторяющейся формулой: «Я с древнего неточный перевод», — что значит и наследование духовного опыта прошлого, и стремление прибавить к нему свой. Оттого так естественно и современно звучат стихотворения

«Сократ», «Платон», «Александр и Диоген».

Вечные ценности неуничтожимы. Но время меняется, даже заболевает: «Приверженец изб и новатор, Вы слишком крикливы, вы внешни. Мы вылечим совесть приватно Великой печалью нездешней...» Иными словами, углубленным и одухотворенным чувством, пробуждающим внутренние силы, приводящим в движение многовековой нравственный опыт, в котором важна печальная мудрость понимания, а не поляризация противопоставлений.

Для Нестеровского любовь — «первое свидание Души с невыразимым светом». То же, что слияние с природой, но сжатое «до боли, до мига», в большей степени личное и в то же время уводящее в бесконечность: «О любовь! О смятенье! О самосожженье!» Оставляющее не только наедине с любимой, но и с мирозданием: «Мы одни на земле, только слышно, Как планета скрипит по орбите».

Если мысль — царица, то любовь, пожалуй, и есть ее царство. Тот источник жизни, который дает начало и духу, и его вещественным проявлениям.

Адольф Урбан

*ЮРИЮ АНДРЕЕВИЧУ АНДРЕЕВУ,
проницательному стрелочнику
от литературы, с прязнью*

★ ★ ★

То, что нельзя назвать, не существует.
Уразумевши, вспыхнув, назови.
Несется слово в вечность, торжествуя,
Подвигнутое силою любви.

То, что нельзя назвать, — туман, химера,
Что названо, то будет жить века.
Есть в сказках самолет-ковёр и вера —
И вот к расчетам тянется рука.

Когда в Язык заложена основа,
Исполнятся любые чудеса.
Индейцы не нашли живого слова,
Оставшись навсегда без колеса.

Скрывались чудодей в катакомбы,
Варганили волшебное питье.
Сострив про термоядерную бомбу,
Тем самым люди создали ее.

Мужайся, слово, и живи аскетом,
Пока тебя не выпустят на свет.
С другой звезды фотонная ракета
Уже несется миллионы лет.

Словарь — шкатулка и Пандорин ящик, —
В тебе сокрыто и добро и зло.
Сорвавшись, прожигает слово-пращур
Пространство зажигательным стеклом.

Я верю в Ноя, в философский камень,
В кентавров, в Атлантиду, в эликсир.
Лишь только слово воскрешает память,
Воссоздает покрытый пеплом мир.

ЦАРИЦА МЫСЛЬ

ПАМЯТЬ

Проклятье памяти: она
Иглой наносит письма
На крылышки души — скрижали, —
Всечасно бунтом угрожая.
Сидит занозою в затылке,
Опасная, как джинн в бутылке.

Льют кровь на кинопростыне —
Тревога распирает грудь.
Забудь о проклятой войне,
О первой женщине забудь.
Не растравляй своей души,
Незримым воздухом дыши.

Но помнит о снегах апрель,
След топора запомнит ель,
Река удержит лунный лик,
Вспомнит эхо гордый крик.
О грозных залпах помнят пушки
В безмолвии музейных лет.
В могиле вспоминает Пушкин,
Как был жестокосерден свет.

Я восстаю, я восстаю!
Нам дал Господь опасный дар —

Через десятки лет в строю
Зрачками отражать пожар.
Нам надо жить, нам надо жить,
Зачем над прошлым ворожить?

Оставьте месть аборигенам,
А срам — поверженным врагам.
Отдайте память глупым генам,
Пусть прошлое хранит курган.

Сердчишко, дятлушка, склеротик!
На время не храни обид.
Забудет скорбный детский ротик
Больной детдомовский обед...

Нам не пробиться сквозь завалы,
Когда бы не было провалов —
Провалов памяти.

Дрожать,
Увидев роды на экранах?
Не стали б женщины рожать.

Дай власть угрюмым барабанам —
Весь век земле валяться в ранах,
Весь век в пожарищах лежать.

ЦАРИЦА МЫСЛЬ

Царица Мысль — владычица Державы.
В колонных залах мозговых извилин,
Верховное осуществляя право,
Она стреляет пулями навывлет.

Она не любит гимнов и элегий,
Ее вассалы — колкие бароны.

Я только мажордом, я только регент —
Хранитель государственной короны.

Доволен я помазанницей божьей:
Царица не унижится до лести.
Пусть предлагают плату подороже,
Она своей не замарает чести.

Она с презрением отвергает пудру:
Сарказм — от фальши лучшее лекарство.
Она свободно, справедливо, мудро
Руководит делами государства.

Ей не нужны ловчилы-адвокаты.
Она, как мед, пьет горькую отраву.
У ног ее валяются цитаты —
Посланцы догматической державы.

ПОЖАР

И твердь раскалялась во чреве пожара.
Во чреве пожара, железо калеча,
Бесовская страсть поросенком визжала,
И таяли бревна, как сальные свечи.

Пожару плевать на несчастье, он весел,
Он гордый пират, упоенный победой.
Он жаркий язык с подоконника свесил,
Он хочет сегодня роскошно обедать.

Он видит, как мечутся в панике люди, —
И в пляску идет и пускается в хохот.
Он дерзок, но кто победителей судит?
И скорость пожар набирал, как эпоха.

Когда весь домишко огнем был охвачен
И чрево наполнил пожар-пожиратель, —
Он крылья расправил, и выгнулся хватом,
И в звездную высь потянулся жирафом.

Пожар — это мира конец и начало.
Такая ж судьба уготована звездам.
И грозная сила во чреве дичала,
И резко трещал раскалившийся воздух.

И что ему шланги, багры и лопаты,
Когда так неистова жажда соблазна!
И ночь становилась от искр конопатой,
И твердь превращалась в бесплотную плазму.

И угли свистели — пожарова челядь, —
Трассируя пулями чахлую местность.
Лишь только добро растворилось во чреве,
Он сладко икнул и пропал в неизвестность.

Мгновения жизни собою заполнив,
Он вызвал восторг и посеял кошмары.
Он весь превратился в незримые волны,
Осталась лишь только зола — мемуары.

Пусть будет смятенье, пусть слезы прольются,
Но солнца пожар эта ночь не потушит.
Есть красный пожар мировых революций,
Есть светлый пожар, очищающий душу...

Пожары, пожары — в сознание кинжалы.
Живешь до забвенья, поешь на пределе.
Я — часто бываю счастливым пожаром,
Когда разливается ад в моем теле!

МАМОНТЫ

И было нашествие мамонтов
И грохот, грозе в унисон,
Когда погрузился я в матовый,
Зашторенный сумраком сон.

Бродили, гуляли по памяти,
Библейскою пылью пыля.
От гула, от рева, от паники
Тряслось мое тело-земля.

Щербатые бурые бивни
Мерцали, как смерти крюки.
И плакала даль неизбежно,
В глазах мельтешили круги.

Но только я не был охотником,
Жильцом прокопченных пещер,
Когда я тяжелой походкою
Пошел, как луна на ущерб.

Лохматые взоры вперили,
Стояли, качаясь в дыму.
То был ледниковый период
Души, погруженной во тьму.

Ушедшие в вечность создания,
Наследственной памяти хрип.
Как будто из недр подсознания
Явился уродств архетип.

Взмутили мне кровь, огорошили,
Сквозь сон мой прошли напролом,
Как орды Мамаю — заброшенным,
Грозой опаленным селом.

Но словно и не было ужаса,
Когда я проснулся всерьез:
Привычное солнце, и мужество,
И лужи, и пенье стрекоз.

Шагайте в минувшее, мамонты,
Колючим слепящим жнивьем.
Не надо нам хаоса: грамотны!
Мы легче, мы чище живем.

КРЫМ

Весь день идем на поводу у солнца.
Натянуты в струну лучей поводья.
И ветер исполняет номер сольный,
И широко небесное разводье.

Мы не дойдем до мертвенной пустыни,
Не надо нам несущей влагу тучи.
Нам говорят в пути слова простые
На тропах камни и песок скрипучий.

Привал устроим у скалы-руины,
Где будет вид на Ялту иль Массандру,
Где вдохновлялся садом соловьиным
Один из гениальных Александров.

Вода и камень — стороны медали, —
Воображенье наше не остынет.
Я ощущаю Турцию за далью,
Седую Грецию и Палестину.

Еды и чистых грез запас недельный
Мы принесем на крымское нагорье.

Земли великолепной беспредельность
Ты ощущаешь только лишь у моря.

И чувствуешь, что мир — не одинокий,
Что тянутся в седую древность нити.
И томный взгляд Европы волоокой
Встречает нас, когда душа в зените.

КУЗНЕЦ

Он молот солнца держит на весу,
Ему неведомы ни сон, ни роздых.
И день он выковал, и выковал осу,
И этот жгучий неподвижный воздух.

В зените день — июльский долгий день,
Но тени нет — так солнце ярко блещет.
Моя куда-то испарилась тень,
И стали призрачны леса, поля и вещи.

Я не пойму, я мыслю иль живу, —
Я вижу дерево, а листья из расплава.
Прилягу я в звенящую траву,
В которой утром побывала лава.

На ветку села, отряхнув крыла,
И замерла серебряная птичка.
Она игрушкой стала, — не пила —
И потеряла голос, кровь и кличку.

Была материя превращена в поток,
Лилась на землю огненною плазмой,
Чтоб стать металлом яростным потом,
Освободить природу от соблазна.

Ярка до рези неба синева,
Черна до жути, как первооснова.
Там в тайники запряваны слова,
И на планете не осталось слова.

И странно мне, что в небе тучек нет,
Нет марева, — а ведь когда-то были.
Свободно до земли проходит свет,
Освобожден стеклянный шар от пыли.

Один металл, — тебя сюда бы, Босх.
Все замерло, ничто не происходит.
И только мой недопылавший мозг
Еще чуть-чуть движенье производит.

ПОЛНОЛУНИЕ 2

Луна генеральским сияньем
Державные снега затмила.
Небесного свода зиянье,
Медальная слава светила.

Земля изнывает под гнетом
Победного лунного блеска.
Над сизым небесным болотом
Качаются звезды подлеском.

Есть разум и вечная Vita,
Есть правда иных обстоятельств.
Не нам ликвидировать титул
Бессмертных небесных сиятельств.

Опрись на бессонницы посох,
Гуляй, как светило, свободный,
И думай, и думай, философ,
Пока есть возможность сегодня.

Я — ЧИСЛО

Я весь, до клеточки, число.
Мой мозг — как телефонный
справочник.

Меня сложил на счетах лавочник
И солнцем окропил чело.

Я сумма самых разных цифр:
Страстей, супружеств и разводов,
Трудов, свершений и расходов
И комбинаций звучных рифм.

Я — отступление Нуля,
Я — нашей жизни быстротечность.
Я продвигаюсь в бесконечность,
Как продвигается Земля.

Моих мгновений круговерть
Уже в туманностях витает.
Одной лишь цифры не хватает —
Ее допишет завтра смерть.

Я С ДРЕВНЕГО НЕТОЧНЫЙ ПЕРЕВОД

Когда вдали от шума городского,
Природы беспредельностью раскован,
Я созерцаю звездный небосвод —
Я с древнего неточный перевод.

Когда, рассвет накинув, как гиматий,
Я думаю о сущности понятий
И проверяю новых слов завод —
Я с древнего неточный перевод.

Когда вгрызаюсь в мудрые издания,
Чтобы проникнуть в тайны мироздания
И бытия предугадать исход —
Я с древнего неточный перевод.

Когда зловещим шорохом ракеты
Или трескучим выстрелом газеты
Я втянут в мировой круговорот —
Я с древнего неточный перевод.

Когда, сражен сомнением, как недугом,
Мечусь между материей и духом
И не решаюсь сделать переход —
Я с древнего неточный перевод.

ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА

Мы жить начинаем со взгляда. С нуля.
Нас вычислят нежные руки,
В то время когда отдыхает Земля
В орбиты спасательном круге.

Родившись, мы разум шлифуем и плоть,
Растим, совершенствуем душу,
Чтоб воплем прозрения мир расколоть,
Чтоб форму сомнением разрушить.

А что мы оставим, когда мы умрем?
Я думаю, очень немного:
Кто песню оставит, кто глупость, кто гром,
Кто страх — в картотеке у Бога.

ПАЛАЧ И ЖЕРТВА

Палач привязан к жертве,
А жертва — к палачу.
Жаль, воскрешать из мертвых
Ему не по плечу.

Он кости сокрушает,
Беснуется, крича,
А жертва утешает,
Ласкает палача.

— Не плачь, палач мой милый,
Давай сыграем в мяч, —
Переливает силы,
Чтоб воссиял палач.

— Мой друг, заплечный мастер,
Продемонстрируй класс.
Ты тоже красной масти:
Кровь породнила нас.

Мучитель к жертве нежен,
Она — вдвойне нежна.
Заступника зарежет
Побитая жена.

Муж кланяется в ножки,
Когда душа горит.
А мышь — движенья кошки
Влюбленно повторит.

Друзьям своим не верьте:
Что́ сила братских уз!
Мучителя и жертвы
Надежнее союз.

СОКРАТ

Ну-ка, Сократ, начинай диалоги.
Поиски истины — казнь в эпилоге.
Слово убийственной смерти стократ,
Ну-ка, Сократ!

Люди — слепые кроты,
Девка продажная — добродетель.
Страшен для праведников свидетель
Их нищеты.

О, неподвижных мозгов чистота!
Ищет язык в своде черепа ранку.
Вывернет души людей наизнанку
Слов тошнота.

Кроток Сократа насмешливый взгляд.
Суд над собою предчувствуют судьи.
Ты попытался добраться до сути?
Примешь ты яд.

ПЛАТОН

Мечтал Платон тирана научить
Быть справедливым, поклоняться музам.
Подался, ослепленный, в Сиракузы
Союз ума и власти заключить.

Привез труды, учености восторг.
Его с почтеньем принял Дионисий,
Перед толпою приласкал, возвысил.
За пиром тонкий состоялся торг.

Духовность проповедовал Платон,
Искусства, уважение к закону.
Но Дионисий намекнул Платону,
Что договор превратно понял он,

Что массы счастливы, надежна плеть,
Велик правитель. А его задача —
Триумф единовластья обозначить —
Не поучать, не тыкать, а воспеть.

Платон осмотр позиций произвел,
Увидел то, что скрыто за фасадом:
Жестокость, упоение распадом, —
И отказался славить произвол.

Тиран решил достойно отличить
Ослушника и, сам себе оракул,
Платона в рабство продал, как собаку...
Мечтал Платон тирана научить!

АЛЕКСАНДР И ДИОГЕН

Забрел, гуляя, в запустелый сад
Великий полководец Александр.
Жуя счастливо клейкие листочки,
Узрел глаза, торчащие из бочки.
Воскликнул он, стряхнув мечтаний плен:
— Ах, это ты, почтенный Диоген!
Забавный вид и быта простота.
О чем молчат сладчайшие уста?
Мудри, мудрец. — Но Диоген изрек:
— Не заслоняй мне солнца, человек.

Вперед подался вспыхнувший эскорт.
— Эге, мудрец, а ты, я вижу, горд!

Но я таких в соратники беру.
Прошу тебя явиться ко двору.
За службу преданную мне, царю,
Я все, что пожелаешь, подарю.
Проси, мудрец. — Но Диоген изрек:
— Ты не подаришь солнца, человек.

— Поберегись, презренный словоблуд.
Я над людьми творю короткий суд.
Я — бог! Я — человечества кумир,
Я покорил весь поднебесный мир.
Я — истина! — Но Диоген изрек:
— Ты не заменишь солнца, человек.

МЕРТВЫЙ ХРИСТОС

О божестве стоял вопрос.
Был на кресте распят Христос.
Решили так иуды:
Необходимо чудо
(Синедрион был тертый),
Христос сильнее мертвый.
Он станет прочной догмой,
Он, мертвый, будет вечен.
Живой — он может дрогнуть
Пред горем человечьим.
Сильней дурманит души
Распятая идея.
Так предали чинуши
Надежду Иудеи.

ВО МРАКЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Был отражением свечи
Его меланхоличный гений.
Он горечь сумраком лечил,
Не зная смелых дерзновений.

И мир, причудлив, многопал,
Господствовал в котором призрак,
Всегда зловеще проступал
Через свечи дрожащей призму.

Душа, тревожная, как моль,
Как бьющаяся в стекла мошка,
В камерке пестовала боль, —
И сохла шея-плодоножка.

Одни столетние дубы
Еще сопротивлялись буре.
Народы вышли из борьбы,
Искали знаменья в лазури.

И шли года, текли года, —
Текли глаза, что настрадались.
Чертил, выстраивал, гадал,
Что ждет в грядущем, Нострадамус.

И был его печален зрак,
У века истину крадущий.
И в настоящем, грубом, мрак,
И мрак в прошедшем и грядущем.

Землею правит козлоног.
Сковало волю суеверье.
А в небе почивает Бог,
Что сам давно ушел в неверье.

ЗРЕНИЕ

Шагреновой кожей души
Читаю осеннюю пьесу.
В простой деревенской глуши
Никто не узнает повесу.

Становится призрачный мир
Весомей и материальней,
Кончается жизненный пир —
И смерть неизбежней, реальной.

Случайно печали нарыв
Ты вскроешь — и снова влюбленный.
Но это лишь только прорыв
В сверкающий мир, отдаленный.

Весною в обратный бинокль
Глядим — отдаляем предметы.
Но время — и зренья клинок
Для песен срезает приметы.

Нам видится в зимние дни
Весенний пейзаж зарубежным.
Усилия объединим
Пред вечным и пред неизбежным.

Незлая душа, голубок,
Ты завтра вспорхнешь невидимкой —
И отдых наш будет глубок,
Подернутый пепельной дымкой.

Как близко предметы: вот стол,
Вот тучка, вот солнце, вот руки.
На вечность, на неба прокол
Ты смотришь уже близоруко.

Читаешь страницы подряд
И судишь прозрачно, пристрастно.
О, мудрость мужанья, о, взгляд
Сквозь тонкие стекла пространства!

ЛУННАЯ СОБАКА

Собака выла на луну,
Что, став на небесах биваком,
Размыла знаки Зодиака,
Сокрыла звездную страну.
Пронизанный тоскою древней,
Повис над спящею деревней
Собачий глас во всю длину.

Не слышалось собачьих склок.
Забились под крыльцо товарки.
Туман коричневой заварки
Глаза собачьи заволок.
Болезненным глумливым смехом
Собаке отвечало эхо,
И был надрывен диалог.

Как неуютен лунный свет! —
Как будто льют эфир на темя.
Подобна теплой шубе темень:
Нахлынет мрак — и ты согрет.
А свет — он душу обнажает
И перед бездной унижает,
И кажется, что ты раздет.

Лишь сдавит горло тишина,
Терзается душа собачья.
Она устроена иначе,
Рассудком не отягчена.
Ее охватывает ужас,
Когда на землю дышит стужей
В упор стерильная луна.

То вечный страх, то вечный страх
Перед суровым смыслом мира
Четвероногих пассажиров
Планеты на семи ветрах.
И, слушая собачьи трели,
Ночами ежится в постели
Бог — повелитель — вертопрах.

Собака, пессимизма дочь,
Собака, лунная собака,
Ты — сон, ты соткана из мрака.
Мне слушать жуткий вой невмочь.
Луна висит созревшей каплей, —
Но облаков морозной паклей
Ее с небес стирает ночь.

СТИХИ О ПЕЧАЛИ

Владимиру Ханану

На свете не стало печали,
Не стало печали на свете.
И звезды давно одичали,
И месяц не тих и не светел.

Печаль все напасти лечила,
В великих скорбях утешала,
Когда макрокосма пучина
В свинцовый затылок дышала.

В каком-то изысканном веке,
Блуждая у тихой запруды,
Трагический юноша некий
Развеял измену Гертруды.

Не надобно нам психиатров
И транквилизаторов тоже.
Нам сцена ночного театра
В тяжелых невзгодах поможет.

Закройте забытые ставни,
Спустите шуршащие шторы.
По доброй традиции давней
Ведите с собой разговоры.

Устал я от их информации,
От грозных пропеллеров шума.
Я слушаю гомон оваций
С застывшей тоской тугодума.

Приверженец изб и новатор,
Вы слишком крикливы, вы внешни.
Мы вылечим совесть приватно
Великой печалью нездешней...

Когда, распиная на плахе,
Звериное рвется веселье,
Двадцатого века монахи
Уходят в прохладные кельи.

ПАУК

Великий архитектор небылиц,
Музеев затхлых основоположник,
Хранитель снов заброшенных столиц,
На нас глядящих паутиной лиц,
Таинственного прошлого заложник.

Наставник строгий, дядька усоногих,
Свидетель отдаленных катастроф —
Потопа, инквизиции костров,
Монаршей блажи и интриг сановных.

Начало в воду, в воду окончанья.
Концепций новых не открыл Пилат:
Он первым принял мудрый постулат,
Решающий в теории молчанья.

Где спят инопланетные растенья
Его садов, что обошла гроза,
Он пучит шаровидные глаза —
Рекламные комочки запустенья.

Касания его мохнатых лап —
Как нежный знак небесной благодати.
С мохматым сердцем, лежа на кровати,
Улавливаю времени накрап.

ДОЖДИНКИ

Дождинки — живчики воды,
Что копошатся в мутных лужах.
Дождинки — капельки беды,
Когда ты полночью разбужен.

Дождинки — шарики ума,
Самосознанье конденсата.
Дождинки — атомов тома,
Послания без адресата.

Дождинки — сгусточки тоски,
Скачок души в иную веру.
Дождинки — времени глазки,
Пронизывающие атмосферу.

Мгновения живут дождинки —
Движенья крохотная доза.
Им выгодней податься в льдинки,
Хлебнуть морозного наркоза.

Дождинка упадет на камень
Пятном, бесцветною печатью,
В небытие бесследно канет —
Останется одно понятие.

ТЮЛЬПАНЫ

Тюльпаны мои красногубые
Застыли в солдатском каре.
Пьют небо мясистыми трубами,
Играют подъем на заре.

Тюльпаны — горящие площадки,
Конфетный тягучий ландрин;
Тюльпаны на тоненьких ножках
Взметнулись, как полк балерин.

Дымятся тревожные зевы:
И жутко, и жизни в обрез.

О Нуль! — смертоносный овал,
Мне тайну открывший по-свойски.
Я знаю: убьют наповал —
Уйду сквозь прореху авоськи.

С отчаянья жизнь не пролей,
Свечу не задуй ненароком.
Глазеет зрачками нулей
Всевышнего зоркое ОКО.

НИЧЕГО

НИЧЕГО — разведенные руки,
Пустота, немота — оттого
Я отвечу, с тобою в разлуке,
На вопрос: «Как дела?» — «Ничего...»

НИЧЕГО — это память, не боле,
Мемуары пробоин и дыр.
Антисвет, антиплоть, антиполе —
Отрицающий явь антимир.

У НУЛЯ назначенье иное:
Стебельками идей шевеля,
Антидух, антиум — паранойя —
Виновато торчат из нуля.

Затруднится вопрос пониманья —
Ты уйдешь, утруждая чело.
Лишь останутся воспоминанья,
Да печаль, да тоска — НИЧЕГО.

Только проку в моей укоризне!
Жизнь бесценна — моя и его.
Мы умрем — все достанется жизни,
Ну а смерти — душа — НИЧЕГО.

АНГЕЛЫ

Ангел — дыхание памяти,
Ангел — распахнутость крыл.
Ангел — предчувствие паники,
Страх над провалом могил.

Робко настраивал лиру я,
Мучимый сложной виной.
Это не бог делегирует —
Нежность стоит за спиной.

Черный — под деревом манговым,
Белый — под сенью ольхи.
Вызови, вызови ангела,
Пусть навевает стихи.

Боль в авангарде предчувствия,
Цепь бессловесных длиннот.
Тайны набухнувшим устьищем,
Хоботом овода — рот.

Ангелы — в детство манители,
Тень бытия без углов.
«Ангелы есть небожители», —
Мне возразил богослов.

ПРЕДЗЕРКАЛЬЕ

Худой и тревожный, голодный и дикий,
Живу в городах, как отшельник в горах.
Остались мои истонченные лики
Во всех посещаемых мной зеркалах.

Я в сотнях кривых экземплярах повторен,
Я кончился мыслью, я вышел в тираж.
Впускает подруга, бледнея от горя,
На теплый порог не меня, а мираж.

Впускает, как будто я только из странствий,
Вина наливает в щербатый сосуд.
Живут мои лики в обратном пространстве
И душу мою ненасытно сосут.

Вечерние люди, бескрылость миманса.
Сидим в предзеркалье, кощунствуя, пьем.
А лики хохочут и корчат гримасы,
Справляясь хитро о здоровье моем.

ПОДСОЛНУХ

В. Антонову

Подсолнух блистал, краснорожий,
На грядке в венце золотом.
На древнего бога похожий,
Шептал он о чем-то святом.

Он был, как и я, желторотый.
На темени — отблеск зари.
Такие же оспинки-соты
И семечек сизых угри.

Он был постоянно веселым,
Плясал на мясистой ноге.
И лик поворачивал к солнцу —
Вертел дотемна по дуге.

На шее пушистой, шершавой,
Похожие на лопухи,
Наждачные листья шуршали,
Как «Слово о полку» стихи.

Цветок живописный, альбомный,
Он югу вполне отвечал.
Взлелеянный солнцем любовно,
Он солнцем служил по ночам.

На жаркого лета закате
Он сбросил поблекший венец,
Спиною склонился покатою
И благостно принял конец.

Почил головою на запад,
А жил головой на восток.
Струил одуряющий запах
На службе сгоревший цветок.

До жатвы на грядке дневаля,
Пожух он и высох, как гриб.
Залетные птицы клевали
Набухшие солнцем угри.

Пошел его стебель на прясло,
Хоть был он в искусстве мастит.
Но рыжим, но солнечным маслом
Пир осени он умастил.

На почве тщедушной, подзольной
Еще не случалось чудес.
Лишь солнца могучий подсолнух
Не меркнет на грядке небес.

ПРИРОДА ЧУВСТВЕННА...

Природа чувственна. Ночами
Ее дыхание лови.
Не замечал я изначала
В ней платонической любви.

С природой связь нерасторжима,
Она хозяин и слуга.
И любит нас мороз с нажимом,
И мягко любят нас снега.

Природы прелести вкушая,
Мы ставим жизнь в ее падеж.
Ласкает мох, дерзит лишайник,
Но не лишает нас надежд.

О ты, счастливый горожанин,
Что держишь веточку в руке,
Ты благодарность выражаешь
На иностранном языке.

Но не надейся на взаимность,
Стишат десяток крокодавил.
От слов твоих рыдают ивы,
Царит печаль среди купав.

На летние густые ночи
Истрачен нежности лимит —
И небо нас слезами мочит,
И ветер душу леденит.

ОСЕННИЙ ДОЖДЬ

Идет, приплясывая, дождь,
Вверх поднимает струйки глины.
По пашням, пораженным сплином,
Идет, приплясывая, дождь.

Ручьи виляют, как хвосты,
Стволы деревьев — как запястья.
Рыдают от избытка счастья
Растенья, люди и скоты.

Через низину напрямик
Бреду с последними грибами,
И дождь тяжелыми губами
К затылку моему приник.

Всему воды любезен гнет.
Лишь даль, посапывая сонно,
Как в отупении кессонном,
Вдруг ветра порцию глотнет.

ВРЕМЯ

Спокон веков в деревне
Живет земное время.
Будильники заводит
И за город уходит.
В укропные подвалы,
В сады, на сеновалы.
В прогнозах наторев,
К буренке стельной в хлев.
Следит, как рвутся стрелки,
Бессонною сиделкой.

МОНОЛОГ УСТАЛОГО ЧЕЛОВЕКА

Я корнем в землю вруюсь,
Я кроною накроюсь,
Раздвину руки-сучья,
Где глухомань паучья.
И будут без мороки
Гулять по жилам токи.
В волосьях табор птичий.
Оставь топор, лесничий!
Я человек, я дрёмлю,
С тоски ушел я в землю,
Устал умом и чревом, —
Я отдыхаю дровом.

ПРОЩАНИЕ С ЗИМОЙ

Л. Новицкому

Тертою редькою снег ноздреватый, —
Только он пахнет не редькой — бензином.
Западный ветер скулит, надрываясь, —
Значит, пора выпроваживать зиму.

За город я выбираюсь нередко,
Манит меня белизна первопутка.
Зимний бальзам — ароматная редька,
Хрен прибалтийский с названьем «марутка».

Царство ядреное редьки и хрена,
Буйство зимы деревенской, чесночной.
Инеем застлана неба арена,
В лунную ночь лай собаки полночный.

Как неудобны времен переходы:
Нюня-распутица гонит из рая.
С юга на север плывут пароходы,
Зиму форштевнем своим подпирая.

В чайные солнца деревья взмокрили —
Это озноб первых дней пробужденья.
То-то случится в роскошном апреле.
Прочь из наркоза! Освобожденье!

Облагорожен зимы белизною,
Шелестом детских веселых салазок,
Суриков в отпуск уходит весною —
С доброй картиной стучится Саврасов.

БАЛЛАДА О ВОЛХВАХ

По земле волхвы бродили,
За собой кота водили.
Уверяли люд убогий,
Что они посланцы Бога.

Шлялись с песней по дворам,
Отдавали дань дарам,
Жрали жирные драчены.
Нагадал им кот ученый,
Что толпа глупа, беспечна,
Что их царство будет вечно.

В пьянстве, драках и разврате
Не признали новой рати,
Шедшей с именем Христа
На обугленных устах.

И прозревший люд убогий
Стал кадить другому богу,
Изгонять лгунов-волхвов,
Словно бешеных волков.

А волхвы, с котом в руках,
Не могли понять никак,
Очутившись в окруженье,
Где начало пораженья,
В чем секрет побед Христа —
Каторжника, нагуленыша.
...И повесили kota —
Несмышленыша.

ТМУТАРАКАНСКАЯ БАЛЛАДА

В Тмутаракани, в Тмутаракани
Меды не пенятся в стаканах.
В Тмутаракани, в Тмутаракани
По саблям бегают тараканы.
Лежит, разнеженный, Мстислав,
Полки на отдых разослав.

За речкой хвалятся косоги:
— Мы князю обломаем ноги,
А рындей заберем в полон.
Узнает князь, немыто рыло,
Веселый цареградский рынок!
Рабом вонючим будет он.

Приносит стольник князю рапорт —
Тот сотрясается от храпа,
Лицо разбухло, как квашня.

— О княже, княже, светлый княже,
Опять шумят косоги вражьи,
Скорее оседлай коня!

Тягуче льются сны Мстислава:
Его запеленала слава.

— Ты не свихнулся ли, старик?
Да я тебя предам опале!
Вот ежели б они напали,
Тогда и поднимал бы крик.

Границу перешли косоги.
Бросают смерды избы, сохи,
Хоронятся в Тмутаракань.
— Горят погосты и селенья,
Идет полон и разоренье,
Скорее, князь, от сна восстань!

Князь недовольно крутит выей.
Ему приснился гордый Киев
И Ярослава борода.

— Ты что же, стольник, спать
мешаешь,
Меня приятных снов лишаешь?
Побили смердов — вот беда!

Сквозь клочья дыма степью бурой
Косоги пронеслись, как буря.
Летят на город брызги стрел.
Встают на башни горожане,
Мечами город окружают
И частоколом дюжих тел.

Гремят каменья и железо.
Враги на вал, как крысы, лезут,
Их поливает смертный дождь.
Оделся город в крепкий панцирь.

Волнуются тмутараканцы:
— А где наш князь, а где наш вождь?

К детинцу, словно гром оваций,
Несутся волны делегаций.
Князь поднимается на шум.
— Ты что же, княже, нас оставил
И пред косогами ославил?
Уж не проспал ли ты свой ум?

Мстислав протер глаза рубахой.
— Вы, храбры, спятили со страху.
Что предо мною враг любой?
Я отдохнул умом и телом,
Дождался стоящего дела,
Теперь я покажу вам бой.

Кто лил помои на меня?
Коня!

КАЗНЬ МОНАХА

Монаха-смутьяна выводят на площадь.
Скрипят на ветру задубевшие мощи,
На лбу выступают холодные капли.
Он прям, словно жердь, а ручищи —
как грабли.

Палач горбоносый и стража на месте.
Царь чешет ноздрю в предвкушении мести.
Холопы всех званий на площади жмутся:
Не часто увидишь, как головы жнутся.

Морозная синь занимала полнеба.
Монах осмотрелся безбрежно и немо.
Поспешно старушка на казнь семенила.

Вдруг с неба белесый комок уронила
Царю на макушку какая-то птаха.
Монах усмехнулся и двинулся к плахе.

Он был безразличен и к жизни и к смерти.
Ему улыбались мордастые черти,
И видел он ад, кочергу и сосуды,
В которых кипел его гордый рассудок.
Он знал, что народ, как крутые вериги,
В века понесет его черные книги
И будут они по предместиям мгlistым
Подтачивать корни сомнительных истин.

А в самом начале прозревшего века
Объявят монаха святым человеком.
Оформит Синод его имя приказом,
Растопит печать клеветы и проказы.
И лик его вспыхнет во тьме головешкой.
Как жизнь, так и смерть его станет насмешкой
Над верой в богов, над твердынями мира.
Торжественный гимн проскрежещет секира.

И к плахе монах подошел расторопно
И голову так положил осторожно,
Как будто лазутчик взрывчатку под порох.
Палач, ожиревший от крови, как боров,
Взмахнул топором — и со знанием дела
Кочан головы отчекрыжил от тела.

Из дула хребта, как из дюзы ракеты,
Ударила кровь на кафтаны, мушкететы.
Толпа закрестилась тревожно и шумно.
Покровский собор зазвенел многодумно.
Бродила в сердцах жутковатая сладость.

Огнем и мечом проверяется святость!

ЕСЛИ ЖЕНЩИНА ЛЮБИТ...

ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ

Слова, тончайшие, как жало,
Пронзили полдень бледнолицый, —
И засияли, задрожали
Улыбки-блики на ресницах.

И охватило их смятенье
У голубого краснотала.
То было юных душ цветенье,
То жизнь глазами расцветала.

Круги, как пальцы фортепьяно,
Бежали по воде рысцою.
В мозгу качались два тюльпана,
Припорошенные пыльюю.

Зефир незримый, без горчинки,
Пропел, что быть всегда им вместе.
И брезжили ресниц тычинки,
Дрожал зрачка лучистый пестик.

Он говорил посредством точек,
Как будто слушал сердцем Бога.
И жизнь была сосредоточьем
Любви — и ничего другого.

И было долго до страданья,
До дня, когда он стал поэтом.
То было первое свиданье
Души с невыразимым светом.

ОТКЛЮЧАЯ СОЗНАНИЕ

Чудодействие русалочьих рук.
Затуханье влюбленного взора.
Отхожу. Убывающий звук,
Убывающий звук разговора.

Где-то там, где-то там, на краю
Моего бытия в отдалении,
Кто-то тянет волюнку свою,
Не по-щучьему ходит велению.

В затемненный причудливый грот
Уплывает кораблик сознания.
Так же ловит восторженный рот
Речи первого в жизни признания.

В тихий вечер нырнуть налегке
После стольких за день впечатлений.
И купаться, как в теплой реке,
После нежностей в сладостной лени.

Потерять интерес к голубям,
Где естественней выглядит аист.
Засыпать, беспечально любя.
Знать, что любят тебя, просыпаясь.

В волнах лунной небесной свечи
Будет сон безмятежный, укромный.

Нас на праздник потянут лучи,
В мир сверкающий, светом огромный.

Слов восторженных, песен рои
День вдохнет в золоченые трубы.
Снова быстрые руки твои,
Снова беглые речи и губы.

ЕСЛИ ЖЕНЩИНА ЛЮБИТ...

Если женщина любит — не стройте
препятствий:
Все равно она гордиев узел разрубит.
Позволительно будет любое пиратство,
Если страсть жестока, если женщина любит.

Если женщина любит, сжимается время
До момента восторга, до боли, до мига.
Это мертвая хватка, сладчайшее бремя, —
Но об этом еще не написана книга.

Если женщина любит, смещается полюс,
Держат курс на нее корабли и магниты.
Там, где сердце, — проходит тропический
пояс,
Стали губы — уста, стали щеки — ланиты.

Если женщина любит, приходит в движенье
Первозданный, нечитанный, девственный
хаос.
О, любовь! О, смятенье! О, самосожженье!
Вспоминайте, как ваша душа трепыхалась!

Если женщина любит, готовьтесь к паденью:
Вознесет до небес, вознесет и погубит.
Выходите на солнце, не стойте под тенью —
Вы достойны сей чести, раз женщина любит.

Мы сегодня больные, мы шалые,
Мы влюбленные напропалую.
Магдебургские полушария
Губ, сомкнувшихся в поцелуе.

Не страдали, не сохли, не плакали,
Не ходили по звездному кругу.
Это вакуум, это вакуум
Нас бросает в объятия друг к другу.

Плат небесный в мерцающих оспинах
Заменил подвенечное платье.
Не прерви сновидения, Господи,
Преврати свою вечность в объятия.

Что нам Гамлет, зачем нам Горацио!
Мы болеем, но сладкою болью.
То, что днем притворяется рацио,
То становится ночью любовью.

Мы в летящей ракете, мы узники,
Нас святая горячка колотит.
Только высший порыв, только музыка,—
Даже странно не чувствовать плоти.

Мы от мира ушли, мы в изгнании.
О любовь! — монастырь, одиночество.
Мы бессвязные речи признания
Принимаем как высшие почести.

Мы ее не искали: так вышло.
Мы пропали для дружбы — скорбите.
Мы одни на земле, только слышно,
Как планета скрипит по орбите.

НАШИ ВСТРЕЧИ

Эти желтые смехи,
Этот греющий свет.
Наши встречи — как вежи,
Нам по тысяче лет.

Наши песни — как парус,
Наши губы — как ртуть,
Как дрожание пара
Над судами в порту.

Брови склонны к разбою,
Им не скрыть озорства.
Нас связали с тобою
Лес, вода и трава.

Мы лежим за холмами,
Смотрим птичий театр.
Наклонилось над нами
Солнце, как психиатр.

ПРОШЛОГОДНИЙ СНЕГ

А где он, прошлогодний снег?

Франсуа Вийон

Забудешь все, но в час недобрый,
Когда к концу убыстришь бег,
Вдруг явит память нежный образ —
И вот он, прошлогодний снег.

Их было много — вспомнишь разве,
Когда и с кем делил ночлег?

Найдешь в столе набросок грязный —
И вот он, прошлогодний снег.

Ты столько лет под сенью брака
С подругой верной пьешь успех...
Вдруг выплывает боль из мрака —
И вот он, прошлогодний снег.

Где образы дышавших зноем?
Их вижу разве что во сне.
Но вдруг нахлынут мысли роем —
И вот он, прошлогодний снег.

И та, кого беспечно предал,
Давно уставшая от нег,
Вдруг в тихий быт ворвется бредом —
И вот он, прошлогодний снег.

Я перед памятью не струшу.
Что прошлое? Далекий брег!
Но бережит все чаще душу
Печальный прошлогодний снег.

ГЛАГОЛЫ

Глаголю глаголы, глаголю.
Мечтаю, томлюсь, алкоголю.
Встречаю, надеюсь, внимаю.
Добрею, шепчу, обнимаю.

Люблю. Торжествую и трачу!
Ревную. Лютую и плачу.
Терзаюсь, грущу, угасаю...
Встречаю — смеюсь. Воскресаю!

РЕВНОСТЬ

За спиной недобрый стук.
То крадется ревность.
Отдохни в развилке рук,
Спящая царица.

Ревность, ревность — санитар
С длиною иглою.
Ревность — мстительный сердар
С ядом под полою.

Пота капельки на лбу.
Хоронюсь, опальный.
Ты лежишь в моем гробу,
Сердце — гроб хрустальный.

Вздрагнет чуткая спина,
Съежится от стука.
Ревность — пьяная жена.
Ревность — злая бука.

Не по силам мне игра,
Что-то сдали нервы.
Если в грудь войдет игла,
ТЫ погибнешь первой.

★ ★ ★

Донья бочки — закат и рассвет.
Я живу между «да», между «нет»,
Между небом и между землей,
Между службой и между семьей.

Ленинградская белая ночь.
Плещет в берег холодная сталь.
Небу стыд удалось превозмочь
И привесить луну, как медаль.

Всплески — словно страницы воды.
Очертанья деревьев светлы.
В небе полосы, словно следы
Разудалой, небрежной метлы.

Кромка города — пальца порез.
Мое «да» окунулось в рассвет —
И бросается наперерез
Твоему безрассудному «нет».

ЛУННАЯ СОНАТА

Задумчивая рыжая луна
За облака чуть слышно задевала,
Как будто платьем девушка шуршала.
Она была, наверно, влюблена.
За городом внимательно следила
И тусклый свет сквозь пригоршни цедила.
Одна — среди миров одна.

Мне неотступный импульс мозг сверлил —
И вдруг догадка осветила тайну.
И я поплыл в круговороте танца,
Как будто кто катушку раскрутил.
Да ведь она мой каждый вздох ловила!
А как она неистово любила —
Что даже нарушался ход светил.

Открытием сраженный наповал,
Я потерял способность видеть лица.

Как будто захлебнувшаяся птица,
Ищу во тьме разбуженный овал.
Я стал ее неумолимой тенью.
А помните вы лунное затмение?
То я свою подружку целовал...

ЛЮБОВЬ-ПОДРОСТОК

Стальная шляпка — серенький берет.
Не девочка, не девочка, а гвоздик.
Округлых слов дымящиеся гроздь
Морозной кистью вписаны в портрет.

Не волосы, не волосы — вьюнки,
Опутавшие змейками полсферы.
С кабаньими боками кавалеры
Играют с юной феей в поддавки.

Какая душечка любовь-подросток!
От взглядов спрятать, положить .

в карман.

Глотая слюнки, шамкает гурман —
Чревоугодник, похоти отросток.

Ах, злая, ах, синюшная тоска!
Но девочку одолевает хохот.
И прячется растерянная похоть
Под маску добродушного хорька.

ЛАМПАДА ЛЮБВИ

Угасает лампада любви,
Оседают огонь, угасая.
Будем тихо сидеть визави,
Скользкой темы отнюдь не касаясь.

Нерасчетливо тратя огонь,
Мы уходим в печальную нежность.
Утомленная за день ладонь
Молча гладит висков белоснежность.

И сказал на закате: «Пора!» —
Свою гибель предчувствуя, гений.
Все кончается: сердца жара
И периоды чудных мгновений.

Будет старость стоять у крыльца,
Наших чувств замедляя качели.
Но однажды встревожит сердца
Голубая «Весна» Боттичелли.

Но однажды мучительно так
Среди ночи разбудит тревога
И увидится юность в цветах
Вдалеке от родного порога.

Мы не вечны, мы только звено
В бытия разыгравшейся драме.
И отвергнет хмельное вино
Укрошенный зимой темперамент.

ЕЛКА ДЕТСТВА

Окрашена оранжевым зима,
Захвачен город сочными дарами.
И на витринах, как на диораме,
Горящих южных фруктов кутерьма.

Ах, Елка детства, свечек стеарин!
Впервые увидавший мандарины,
Я посчитал, что на шелках старинных
Их нам прислал китайский мандарин.

Сановник важный, добрый по нутру,
А Дед Мороз — его послушный служака.
Пришел, одетый в серпантина стружку,
Чтоб одарить нас рано поутру.

Воображенье, дай обратный ход:
Как запахи заморских урожаев
Мой бедный нос до боли раздражали
В безэлектрический голодный год!

От цвета солнца пламенел базар.
Их продавали грузные грузины.
Кому-то наши матери грозили
И покупали вместо хлеба — жар.

Ах, Елка детства, мой пушистый зверь
С плодами сладкими в нежнейших лапах!
И Елки хвойно-цитрусовый запах
Меня преследует в лесу теперь.

У НАС В ДЕРЕВНЕ НЕ БЫЛО БАЛЕТА

Изрек мне балетмейстер, как Всевышний:
— Вы лёгки, длинноноги и подвижны —
Могли бы вы украсить наш балет.
Ах, если б экзерсис вам с детских лет! —
Я, усмехнувшись, возразил на это:
— У нас в деревне не было балета.
У нас в деревне сено, мухи, грязь,
Кейфуют свиньи, в лужах развалясь.
Я только в двадцать лет увидел сцену.
Я не простака, себе я знаю цену:
Через завалы дряни и халтуры
Я сам, на ощупь, двигался к культуре —
Чтобы потом сомнительный журнальчик
Мои стихи футболил, словно мячик:
Мол, рифма есть, намеренья благие,
Откуда, дескать, образы такие?
Они оттуда, где с зарей заря
Встречаются на скулах плугаря,
Они оттуда, где в крови подмышки,
Где получают трудодни и шишки,
Где воздух от навоза густ, как клейстер...
Ты извини, мой добрый балетмейстер,
За детство без кулис и без просвета.
У нас в деревне не было балета!

ДЕТСКИЙ МИР

Увековечу старый сад
И солнышко увековечу,
Грачей прожорливое вече,
Лежащих в луже поросят.

Воспоминанья — перелаз.
Перешагну — вопьюсь в страничку.
Увижу тын и земляничку,
Что Катей-крошечкой звалась.

И вспомню, как сладка кора
(Неповторимый детства запах!),
Цветы, стоящие на лапах
На клумбе посреди двора.

Торчит репьем из-за кулис
Моя вихрастая головка.
И в том, что мать моя — золовка,
Я нахожу почетный смысл.

А вот и бабушка моя,
Спина — как пушка на лафете.
Шипит, крадется на рассвете
К ней похоронка, как змея,
В клубках колес в велосипеде.

На вербе в потайном раю
Сижу, укрытый душной кроной,
Ругаюсь с плачущей вороной
И крапчатые яйца пью.

И ем черешни задарма,
Не зная, что кому-то плохо,
Что где-то, как стручки гороха,
Растут высотные дома.

Через ложбину на бугре
Колхозники стога метали...
Какие важные детали,
Как жизнь весома на заре!

Огромность сельских новостей,
Под грушей ритуальный ужин.
...Сегодня мир опасно сужен —
До заусениц, до ногтей.

БУРАТИНО

Жил-был Буратино — отвислые уши,
В коротких штанишках, уродлив на диво.
И был он доверчив, и был он наивен.
Водил на веревочке бабочку-душу.

Душа поднимала ажурные крыльца,
Пытаясь взлететь в небеса безуспешно, —
И тяжело вздыхала, и было потешно.
Хихикали чертики в сытые рыльца.

А он не грустил, он не ведал кручины.
Людей уверял, что владеет секретом.
Они его гнали, ругаясь при этом,
Что, мол, уродится ж такой дурачина.

Притворно костья неприязнь и рутину,
Лиса подъезжала с гримасою сладкой
И вкусные крыльца щипала украдкой, —
Был счастлив вниманием мой Буратино.

Вот так он и жил с этикеткой кретина.
Общался с довольным, веселым народом.
А я иногда покупал бутерброды,
Послушать стихи приглашал Буратино.

САМОЛЕТИК

Мне старт наушники пропели.
Несу я в клювике пропеллер,
И смотрят неба образа
В мои пытливые глаза.
Не надевал я оперенья,
Покрыло солнце озареньем
Мои распахнутые крыльца.
Мне от циклона не укрыться.
Я тучки лобиком тараню,
Я отражаюсь на экране
Зрачков суровых и радаров.
Из крепко запертых ангаров
Несется зов собратьев-птиц,
На крыльях распростертых ниц.
Дырявый воздух не заштопать.
Швыряю тело в звонкий штопор,
Лечу, туманы вороша...
Я — самолетик, я — душа
Крылатых царственных махин,
Ревущих из глухих глубин!

ОТКАЗ

О, смешные страдания далекой поры,
Лихорадочной страсти порывы!
Я, влюбленный, метался в скафандре
жары,
Я признанья боялся, как взрыва.

Но Она подтолкнула, как жертву палач,
Как строка перекрестную рифму.
Я признание бабахнул, как лопнувший
мяч,
Я разбился, как судно о рифы.

А Она улыбнулась: а сколько мне лет?
Замурлыкала, засветилась.
Поцелуй снисходительный был мне в ответ,
Поцелуй — величайшая милость.

Я без адреса брел, как в безвестность
письмо.

Поцелуй жег, как марка.
До утра я рыдал за оградой домов,
Как рыдает помарка.

ПОЛЕТ

Самолетик, ангелок, кубышка!
Тело звонко, а душа гола.
Бабушке в веселые подмышки
Он вонзил два легкие крыла.

Вот она, мечта о божьем рае,
Грешницей оплаченный полет!
Бабушка блаженно замирает.
Как свеча, слезинками плывет.

Это чудо привыканья к чуду!
Голова, как плошка, горяча.
Стюардесса райскую посуду
Пред бабусей ставит, хохоча.

Тают кресла, чемоданы, лица.
Видит бабка в синей пустоте,
Как в иллюминаторе жар-птица
Бьется на размашистом винте.

Облака желтком небес облиты,
Мечутся ресницы, как вольтметр.

А внизу учебники Эвклида
Раскрывает строгий геометр.

Проплывают города и веси,
И, купаясь в облачном жиру,
Самолетик рвется в поднебесье,
С блеклых глаз сдирая кожуру.

СТАРУХА

Стеклышка прозрачней, легче пуха,
Ставшая абстракцией старуха.
Есть она, а может быть, и нет...
Лет пятьсот назад гусар-поэт
Повстречался на ее пути,
Чтоб в веках бессмертье обрести.
Есть старуха или нет — сквозь дым
Видится бессмертье молодым.

РАНДЕВУ

Жил старичок с клочковатой бородкой,
Жил старичок одиноким сироткой,
Жил перекошенный, жил на карачках,
С палочкой жил и кудлатой собачкой.

Мог он годами лежать на диване,
В кресле сидеть или нежиться в ванне,
В тягостном сне, в забытьи, в полудреме
В новом высотном грохочущем доме.

Если вздыхал он — собачка ворчала,
Если он смерть призывал — то рычала,
Хвостиком била, вертелась клубочком
И выводила гулять на цепочке.

Шла она сквериком важно и чинно,
Не задевала котов беспричинно,
Шла, наостривши капустные ушки,
Шла, чтоб вручить старикашку старушке,
Что о погоде судила-рядила,
Что, как и он, на цепочке ходила.

За руки взявшись, две хлипких букашки
Дружно гуляли в собачьей упряжке.
Ветру подставив увядшее темя,
Шумно ругали нахальное время,
Нравы, обычаи, оды и моды
И вспоминали минувшие годы.
Пряно в глазницы друг другу глядели —
И на полтысячи лет молодели!

КАТОК ПАМЯТИ

В предтелевизорное время,
В эпоху парковых катков
На льду мужало наше племя
Провинциальных простаков.

Любовь носилась по спирали
По парку стайками невест.
Но, дети областной морали,
Мы так стеснялись сделать жест.

В ту зиму я не принял вызов,
Я вытащил другой билет.
И вдруг увидел в телевизор
Ее через десяток лет.

Уже в столичной части света
Она явилась, как в бреду,
Принцессой дерзкого балета,
Что чудодействовал на льду.

Лихой плясун в уборе стильном
За ней носился и кружил.
Коньком по памяти subtilной
Она писала виражи.

Зажжется память на экране
Залетной птицею — стрижом —
И наша жизнь за дальней гранью
Нам вдруг покажется чужой.

Цепь распадется неизбежно.
Но я судьбу благодарю,
За то, что юность конькобежной
Была в том кукольном раю.

Благодарю за зим картинки,
За шапочки пуховый нимб.
За то, что старые пластинки
Терзали песню «Догони!».

Что остается от горенья,
А что уносит дней поток?
Следы свободного паренья
Запишет памяти каток...

Планета спутников орбиты
Мотает, как коньков витки...
Приметы лет, давно забытых, —
Благословенные катки!

СОДЕРЖАНИЕ

«То, что нельзя назвать, не существует...»	5
--	---

ЦАРИЦА МЫСЛЬ

Память	7
Царица Мысль	8
Пожар	9
Мамонты	11
Крым	12
Кузнец	13
Полнолуние 2	14
Я — число	15
Я с древнего неточный перевод	15
Жизнь человека	16
Палач и жертва	17
Сократ	18
Платон	18
Александр и Диоген	19
Мертвый Христос	20
Во мраке средневековья	21
Зрение	22

СУЩНОСТИ

Лунная собака	24
Стихи о печали	25
Паук	27
Дождинки	27
Тюльпаны	28
Нуль	29
Ничего	30
Ангелы	31
Предзеркалье	31
Подсолнух	32
Природа чувственна...	34
Осенний дождь	35
Время	35

Монолог усталого человека	36
Прощание с зимой	36
Баллада о волхвах	37
Тмутараканская баллада	38
Казнь монаха	40

ЕСЛИ ЖЕНЩИНА ЛЮБИТ...

Первое свидание	42
Отключая сознание	43
Если женщина любит...	44
«Мы сегодня больные, мы шалые...»	45
Наши встречи	46
Прошлогодний снег	46
Глаголы	47
Ревность	48
«Донья бочки — закат и рассвет...»	48
Лунная соната	49
Любовь-подросток	50
Лампада любви	51

ДЕТСКИЙ МИР

Елка детства	52
У нас в деревне не было балета	53
Детский мир	54
Буратино	55
Самолетик	56
Отказ	56
Полет	57
Старуха	58
Рандеву	58
Каток памяти	59

Владимир Мотелевич Нестеровский
ЦАРИЦА МЫСЛЬ

Редакторы Т. С. Харькина, М. В. Гоппе
Худож. редактор М. Е. Новиков
Техн. редактор Г. В. Мисюль
Корректор Е. А. Омеляненко

ИБ № 7091

Сдано в набор 11.05.88. Подписано к печати 22.11.88. М-24210.
Формат 70×90^{1/32}. Бумага тип. № 1. Литературная гарнитура.
Высокая печать. Усл. печ. л. 2,34. Уч.-изд. л. 2,30.

Тираж 5000 экз. Заказ 1066. Цена 25 к.
Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель».
Ленинградское отделение. 191104, Ленинград, Литейный пр., 36

ПО-3 Лениприздата. Ленинград, Литейный пр., 55

25 к.